

Виктор ДЪЯКОВ

ПИСЬМО

Виктор Дьяков

Письмо

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Дьяков В. Е.

Письмо / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2003

Вторая чеченская война. Рядовой Анатолий Дроздов получает письмо от матери. В нем она просит ее простить, что не смогла отмазать от армии и спасти от Чечни своего единственного сына. Мать делится с сыном своим негативным опытом "общения" с Кавказом, открывая страшную семейную тайну, в надежде, что сын станет осторожнее и сможет сохранить себе жизнь. Но она не учла, что сыну только 18 лет, и ее письмо прежде всего возбудило у него чувство мести.

© Дьяков В. Е., 2003

© ЛитРес: Самиздат, 2003

ПИСЬМО

рассказ

Дроздов не мог привыкнуть к гаубицам. Даже бьющий скорее по нервам, чем по ушам протяжный звук залпов "ГРАДа" не так на него действовал, как эти тяжкие ухающие выстрелы. Голова непроизвольно втягивалась в плечи, туловище само собой сжималось, и оставалось в таком положении, пока грохот уносящегося вдаль снаряда не затихал, напоследок возвестя о себе едва слышимым всплеском далёкого разрыва.

– Не ссы сынок, это пока ещё не по тебе панихида,– с ухмылками прошли мимо, неся перед собой в согнутых руках по несколько буханок хлеба двое контрактников.– Наберут детей на войну, а сопли утирать ...– дальше Дроздов не расслышал – подошла его очередь получать первое.

– Заснул ... какая рота!?!– кричал стоя на металлической подножке походной кухни нарядчик с черпаком в руке.

– Вторая, я из дозора, на двоих человек,– Дроздов подал котелки.

– Из дозора? ... На, держи, поешь на последок. Сегодня ночью "духи" к тебе в гости придут, яйца резать, завтра петухом запоёшь,– нарядчик издевательски заржал.

Дроздова передёрнуло, схватив котелки со шами, он поспешил к следующему котлу за вторым. Здесь "банковал" сам повар, "дед"– сержант. Каши с тушёнкой в поданные крышки от котелков он положил явно мало. Дроздов не отходил.

– Чего встал, разводягой по лбу захотел? Двигай дальше, нечего очередь задерживать!– повар кривил красное лицо в угрожающих гримасах.

Дроздов бросил исподлобья недобрый взгляд и нарочито неспешно отошёл.

– Чего зыркаешь!?! ... Сейчас слезу по горбу настучу ... салабон!– ругался ему вслед повар, принимая следующие крышки от котелков.

Даже прослужив шесть месяцев, Дроздов и его однопризывники вновь оказались самыми "молодыми" в полку. Ещё во время боёв в Дагестане погибло несколько "молодых" из Татарии и по этому поводу подняли шум ... В общем, когда начались бои в Чечне, прослуживших менее полугода в боевых подразделениях уже не оказалось. Таким образом, молодость "черпаков", солдат прослуживших по шесть месяцев, продлилась ещё на полгода. А это означало, что основная тяжесть службы опять ложилась на них: наряды, тяжёлая грязная работа – разгрузки-погрузки, рытьё траншей и окопов ... Не контрактники же всем этим будут заниматься, не "деды", даже "годки" имели некоторое моральное право увильнуть.

В дозоре, муторном суточном дежурстве на выдвинутом за позиции батальона посту, тоже, в основном, службу несли "черпаки". Нагруженный обедом, Дроздов уже собирался идти на свой окопный пост, где его ожидал напарник, когда к нему подбежал Галеев. Однопризывник Дроздова, он по штату числился в их взводе, но благодаря умению писать плакатным пером и немного рисовать, сумел пристроиться при передвижном полковом клубе. В руках у клубного работника белела пачка конвертов. Они были в неплохих отношениях, и Галеев обратился к нему по-свойски:

– Толян, тебе письмо, толстое, с фоткой наверное. От бабы?

– Сунь в карман,– Дроздов подставил бок, отводя руку, занятую котелками.

Галеев сунул толстый конверт в карман бушлата и побежал дальше раздавать почту.

"От бабы ... какой бабы, у меня и бабы-то никакой нет",– тоска от предчувствия охватила его, когда он мельком увидел адрес, написанный материнским почерком. Толщина конверта подсказывала, что мать, узнав, наконец, куда "загрел" её единственный сын, разволновалась, расплакалась ... вот и накатала. Что-что, а писать-то она умеет, как-никак более двадцати лет русский и литературу в школе преподаёт. Дроздов, словно ощущая тяжесть материнских слов

в своём кармане, сгорбившись как старик, шёл вверх по склону пологой горы, мимо КУН-Гов, палаток ... В одной из палаток контрактников шёл гудёж. Там располагались батальонные разведчики, они единственные в полку "соприкасались" с противником почти ежедневно. Им многое позволялось: они общались с офицерами до майора включительно на ты, у них всегда имелись спиртное и план ... они несли самые настоящие потери ... убитыми и ранеными. В палатке наверняка находился и Лунёв, тридцатидвухлетний разведчик, воевавший и в Афгане, и в первую чеченскую. Лунёв тоже пензенский, земляк, у него Дроздов пару раз просил заступничества, когда двадцатилетние "старика" чрезмерно его "напрягали".

Зона ответственности их взвода, это примерно двести метров на склоне горы, являющейся господствующей высотой, которую оседлал дивизион "ГРАДа". Дальше, до следующей высоты, где базировались самоходки, располагались позиции других взводов, рот и батальонов полка. Перед пехотными подразделениями стояла задача не допустить "духов" в тыл, на позиции артиллеристов, которые в этой, пока ещё не очень контактной, войне являлись главными действующими лицами. Именно они, выдавливая огнём не обладавшего тяжёлым вооружением противника с позиций, вынуждали его отступать всё дальше вглубь Чечни, к Грозному. На следующем рубеже всё повторялось: захват господствующих высот, артиллерийский прессинг, разведрейды ...

Дроздов спрыгнул в траншею хода сообщения и, пригнувшись, пошёл по нему к посту.

– Что так долго?! Тебя только за смертью посылать! ... Что там на рубон?– в углу окопа полулежал на разостланной шинели Бедрицкий, крупный, но рыхлый уралец.

– Щи и каша рисовая.

– А третье?

– Кисель.

– Каши чего так мало? ... Тебя всегда нажмут!

– Сам бы шёл!– беззлобно огрызнулся Дроздов и стал очищать полбуханки хлеба от попавшего на неё окопного мусора.

– Разве это жратва!– привычно запричитал Бедрицкий.– Сволочи ... На смерть, гады, посылают, а ни мяса, ни свежатины, осень вон стоит, овощи, фрукты везде, а тут концентратами давят, войей за них ...

Дроздов не реагируя на скулёж напарника, начал хлебать ещё горячие щи. Ел не спеша – он оттягивал момент начала чтения письма, ибо не сомневался, что сильно расстроил мать, и она наверняка об этом написала. Но Бедрицкий всё же раздражал. Тоже деятель, разнылся, слушай тут его. Дроздов и сам бы с удовольствием поплакался, посетовал на свою разнесчастную судьбу, ему тоже здесь всё противно. И не столько кормёжка, "деды", прапор взводный, постоянные подкалывания контрактников, грязь, борьба со вшами, сны о тёплой бане ... а в первую очередь, конечно, постоянная смертельная угроза, именуемая кем как: "духи", "чехи", "чёрные", "звери". Да и вся обстановка: ненависть местных жителей, беженцев, без труда читаемая во взглядах страшных старух, злых женщин, звероватых мальчишек ... эти горы, каменистая, едва поддающаяся лому и кирке почва, сырой холод по ночам, после относительно тёплых дней. Здесь на юге, в этой горной степи, он мёрз так, как никогда не мёрз у себя в Пензе, не спасали ни бушлат, ни уже выданное зимнее бельё.

Тем не менее, простуда почему-то не приставала, то, на что так рассчитывал Бедрицкий, да и Дроздов не отказался бы улечься в санчасть, или ещё лучше в госпиталь во Владикавказе, где и прокантоваться как можно дольше. А там ... там может, или война кончится, или ещё какая-нибудь лазейка откроется ... только не сюда, не на передовую. Бедрицкий даже интересовался у фельдшера, что будет, если полежать на земле без бушлата. Дроздов предпочитал, чтобы всё произошло само собой, без нанесения серьёзного ущерба здоровью. Хотя кто знает, что здесь лучше, здоровье сберечь, или ... жизнь. С другой стороны, солдат срочной службы старались под огонь не посылать. За всё время, что полк продвигался от границы с Ингуше-

тией, потери были в основном у контрактников, восемь убитых и более двух десятков раненых. Из срочников погиб только один, да и то не в бою: связист наткнулся на противопехотную мину незамеченную сапёрами. Зато больных, "косящих" под больных и прочих "шлангов", под различными предложениями отправляемых в тыл имелось предостаточно. В общем, статистика пока была обнадеживающей.

Щи оказались недосолены, каша чуть тёплой, а кисель несладкий. Впрочем, Дроздов уже привык в Армии есть не получая удовольствия от пищи. Как-то, ещё в самом начале, так называемой, "контртеррористической операции" в полк приехал командующий группировкой, и, увидев, что солдат кормят перловкой, раскричался, пообещав разогнать всю тыловую службу. После того ни перловки, ни сечки, ни овсянки в рационе не стало, но и рис, и гречка, и пшёнка, приготовленные неумелыми полковыми поварами, теми же солдатами срочной службы, были не на много вкуснее.

– Не, так дальше жить нельзя, – Бедрицкий в сердцах бросил ложку, и она звонко стукнулась о дно котелка. – Тут если духи и не подстрелят, так желудок точно накроется. Когти надо рвать пока не поздно. Как думаешь?

Подобные разговоры напарник заводил не впервые и Дроздов отреагировал довольно вяло:

– Никак не думаю.

– У тебя, что кочан вместо головы?!

– А ты, что думаешь ... в плен, что ли сдать? – вновь огрызнулся Дроздов, начиная мыть котелок, черпая воду из зелёного бачка-термоса.

– Ну, ты совсем дурной пацан ... Этим разве можно сдаваться. Это если бы с американцами, или англичанами воевали, – мечтательно закатил глаза Бедрицкий. – Тем любо-дорого сдать, у них в тюрьме лучше, чем у нас на воле. А этим зверям ... ислам заставят принять, издеваться будут, нее. Я вот чего ... слушай, – Бедрицкий понизил голос и опасливо обернулся, хотя ближайший пост находился метрах в трёхстах, и к ним даже по ходу сообщения невозможно подойти незамеченным. – Как думаешь, если в ладонь себе стрельнуть, это больно?

Дроздов выплеснул воду из котелка за бруствер.

– У тебя что, крыша съехала ... себя калечить?

– Так ведь наверняка комиссуют, или в госпиталь надолго ляжешь. А война эта на год, а то и больше. Десять раз убьют. До Грозного дойдём, штурмовать придётся. Там одними контрактниками не обойдутся, и мы пойдём. А это хана. Там они нас с подвалов, с чердаков мочить будут. Мужики, что в прошлый раз воевали, говорили, что там батальон за сутки выбивали. Нет, ты как хочешь, а я до Грозного тянуть не хочу, хоть как, но свалю отсюда.

– Дурак, за членовредительство судить будут. И искалечишься и в дисбат загремишь, – Дроздов тщательно отмывал скользкую после киселя кружку.

Дроздов не принимал всерьёз заявлений Бедрицкого, тот, чем ближе к вечеру, заводил подобные разговоры, постепенно скисая, и к темноте уже ничем не напоминал человека решившегося на самострел, а скорее побитую смертельно напуганную собаку. Он всегда шёл в дозор в паре с Дроздовым, зная, что тот никогда не проболтается о животном страхе, заставляющим его с наступлением темноты забиваться в угол окопа и всю ночь дрожать мелкой дрожью.

Сплошной линии обороны здесь не было. В обязанности дозорных входило, вовремя заметить противника, поднять тревогу по телефону, или открыв огонь, вызвать подкрепление. Правда, на этом рубеже до столкновений пока не доходило. Будучи обнаруженными, боевики сразу же отходили в "зелёнку", не желая принимать бой на открытом пространстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.